

БУРДАКОВА Ольга Николаевна / BURDAKOVA Olga

Нарвский колледж Тартуского университета / Narva College of the University of Tartu
Эстония, Нарва / Estonia, Narva

Olga.Burdakova@ut.ee

НЫММ Елена Юрьевна / NÕMM Jelena

Нарвский колледж Тартуского университета / Narva College of the University of Tartu
Эстония, Нарва / Estonia, Narva

Jelena.Nomm@ut.ee

НАРВСКИЕ «СВАДЕБНЫЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ» КАК КОМПОНЕНТЫ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА

NARVA “WEDDING SIGHTS” AS COMPONENTS OF THE LOCAL TEXT

Abstract: The local text is a system of firmly set perceptions of city residents about the urban mental and physical space, which unites the city residents in a single community, and which is a component of the local identity. “Wedding sights” (sculptural, architectural, and natural objects that are visited by newlyweds and their guests after a marriage registration) are the components of the local text of Narva city. The article considers the formation and development of the wedding walk in Narva in its historical perspective from its beginning in the 1960s until its modern route (the 2010s); it describes the dynamics and reasons of route changes as well as ritual and game activities at its landmarks. In the 1960s, there were three objects included in the wedding walk route: the ideological monument (the monument to Lenin), the city centre roundabout and a nature object in the city suburbs. In the 1970s, three military monuments, which were erected at that time in the city suburbs, were added to the list of the “wedding sights”. In the 1980s and 1990s, the walk route was complemented by historical architectural monuments and nature objects located in the city and in its suburbs. In the 1990s, the monument to Lenin was excluded from the walk route; and in the 2000s, the war monuments were also excluded from the route. In the 2000s, a new sight was added to the wedding walk route — “The Wedding Tree”, which was specially designed to create a wedding tradition for Narva residents and to connect newlyweds with the city. Thus, the modern wedding walk route includes: 1) architectural objects of historical significance which symbolize the city identity and which support the connection of young families with the city; 2) nature objects that are located in the city and in its suburbs, and which are conveniently used for photo shoots, play and rituals activities (both new and reviving fragments of archaic wedding traditions); 3) one monument of World War II (the “Tank T-34” memorial), which is a marker of the city identity.

Ключевые слова / Keywords: Городская антропология, локальный текст, г. Нарва, свадебная прогулка, «свадебные достопримечательности» / City anthropology, local text, Narva city, wedding walk, “wedding sights”

1. Понятие о локальном тексте города

Изучение городского текста и реконструкция городской мифологии имеют богатые научные традиции. Большое значение для становления традиции реконструкции «петербургского текста» имели труды В. Н. Топорова и ученых

тартуско-московской семиотической школы¹. При этом исследователей интересовали в основном тексты «высокой культуры» (преимущественно литературной традиции). Литературоведческий подход, который доминировал в изучении материала, позволял реконструировать и индивидуальные образы в творчестве разных писателей, и в то же время вычленил общие лейтмотивы, формирующие миф о городе в литературе и культуре, и, таким образом, этот реконструированный городской миф творился по законам литературной традиции.

На рубеже XX–XXI вв. расширяется круг объектов, которые попадают в поле внимания исследователей городского текста: актуализируется оппозиция «столичный текст» — «провинциальный текст»². Смещение фокуса внимания исследователей на провинциальный город потребовало вовлечения в круг источников не только текстов «высокой культуры», но и записок путешественников, мемуарной прозы, краеведческой литературы и публицистики, что, однако, не привело к смене методического инструментария: тексты названных жанров изучались теми же методами, что и художественные.

Вполне ожидаемым, предсказуемым было обращение исследователей к путеводителям, которые представляют туристу внешнюю, «парадную сторону» города³. Путеводитель как форма презентации городского текста оказывается сильно зависим от идеологии — фактически каждая эпоха создает свой путеводитель по городу.

В эти же годы зарождается новое — антропологическое — направление в изучении городских текстов, которое наряду с текстами письменной традиции анализирует продукты устной культуры. Часть этих продуктов входит в понятие «постфольклор»⁴ — городские легенды, слухи, толки, молва и т. п., другая часть лежит за рамками фольклорной традиции и реализуется в институциональном

¹ См.: *Топоров В. Н.* Петербург и «петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // *Его же.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259–367; *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Ученые записки Тартуского государственного университета.* Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30–45 (*Труды по знаковым системам.* Т. 18); *Мицу З. Г.* «Петербургский текст» и русский символизм // *Её же.* Блок и русский символизм: Избранные труды. СПб., 2004. Кн. 3. Поэтика русского символизма. С. 103–115; *Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века // *Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века».* Тарту, 1975. С. 129–135.

² См.: *Абашев В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX век. Пермь, 2000. URL: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsyprepodavatelej/abashev/kniga_1.pdf (16.07.2019); *Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты* / Отв. ред. Л. О. Зайонц; сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М., 2004; *Пространственность развития и метафизика Саратова* / Под ред. Т. П. Фокиной. Саратов, 2001.

³ *Путеводитель как семиотический объект* / Под ред. Л. Н. Киселевой. Тарту, 2008.

⁴ См.: *Неклюдов С.* После фольклора // *Живая старина.* 1995. №1. С. 2–4; *Его же.* Постфольклор. Курс: Введение в теоретическую фольклористику // *ПостНаука* [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/video/9435> (16.07.2019); *Его же.* Постфольклор в городских традициях XX века // Там же. URL: <http://postnauka.ru/lectures/24463> (16.07.2019).

общении — «образовательных, музейно-экскурсионных, агитационных, ритуально-праздничных»⁵ практиках.

Сами антропологи подчеркивают преемственность антропологической традиции изучения «локальных текстов» современных провинциальных городов по отношению к традиции изучения «городских текстов» в т. н. высокой культуре⁶ и «историко-краеведческому направлению» собирания и изучения городских легенд в 1920-е гг.⁷ Упоминаемые в этой связи работы Н. П. Андиферова 1920-х гг. о мифологии Петербурга, безусловно, были актуальны и для становления семиотической традиции изучения городского текста.

Введённое в научный оборот в трудах по антропологии современного города понятие «локальный текст» отличается от семиотического представления о «городском тексте». Вслед за М. Д. Алексеевским, М. А. Лурье и А. А. Сенькиной, мы понимаем «локальный текст» как систему «ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с местом и актуальных для общего знания сообщества, идентифицирующего себя с этим местом. Локальный текст репрезентируется в спонтанных и институционализированных коммуникативных практиках, местном фольклоре, художественном, публицистическом и исследовательском творчестве и т. д.»⁸.

Устойчивые сюжеты, имеющие хождение среди жителей одного города, повторяющиеся в рассказах мотивы, образы, стереотипные формулы и т. п., из которых складывается локальный текст, выполняют функции сплочения, единения горожан. Локальный текст — это результат освоения горожанами физического и духовного пространства города. Он создается, как и культура в целом, в первую очередь для себя, для внутреннего пользования; становится тем знанием, которое передается новым членам городской общины (молодому поколению) с целью приобщения их к своему культурному и социальному пространству (неслучайно значительный объём знаний о локальном тексте складывается у горожанина в подростковом возрасте, когда происходит формирование социальной идентичности

⁵ См.: Алексеевский М., Ахметова М., Лурье М. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 19. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf (16.07.2019).

⁶ Ср.: «Поворот собирательской работы антропологов к городскому (и в смысле бытования, и в смысле тематики) материалу, в частности провинциальному, обусловлен, как представляется, несколькими факторами, среди которых... стоит назвать... очевидную преемственность по отношению к семиотическим исследованиям “локальных текстов” и “локальных мифов” в общенациональной культуре (прежде всего, в литературе), в свою очередь инспирированными работами В. Н. Топорова о петербургском тексте и введением им в научный оборот самих понятий городского текста и городского мифа» (Ахметова М. В., Лурье М. А. Материалы бологовских экспедиций 2004 г. // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm> (16.07.2019)).

⁷ См.: Алексеевский М., Ахметова М., Лурье М. Исследования города. С. 18.

⁸ См.: Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 277. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11_06_alekseevsky_lurie_senkina.pdf (16.07.2019).

человека). С другой стороны, знания о локальном тексте становятся актуальными при встрече горожанина с непосвящённым человеком (гость, турист, переселенец); в ситуациях диалога с иными культурами (представителями иных локальных идентичностей) фрагменты локального текста оказывается необходимым переводить чужакам. Одновременно с этим транслирование локального текста приезжему даёт возможность горожанину осознать свою городскую идентичность. Полученное знание о локальном тексте жителей того или иного города позволяет сменить фокус восприятия полиса (посмотреть на него не извне, а изнутри) и, таким образом, найти ключ к пониманию горожан.

Локальный текст города характеризуется подвижностью во времени, дискретностью⁹ и многослойностью, неоднородностью. Имеет многополярную структуру: ядро — константные элементы (устойчивые на протяжении жизни не одного поколения горожан) и расположенные на периферии микрополя, которые включают стереотипные образы и сюжеты, актуальные для определённой группы горожан¹⁰. Названные характеристики локального текста предопределили форму его описания. Исследователи локальных текстов провинциальных городов едины во мнении: наиболее удачной формой его представления является словарь¹¹.

С начала XXI в. ведётся работа над созданием словарей локального текста отдельных городов (Могилева-Подольского и Омска)¹². В 2011 г. начался сбор материала для подготовки энциклопедического словаря локального текста г. Нарвы. Проект будущего словаря (структура словаря, принципы построения словарной статьи, образцы словарных статей) представлены в нашей публикации «Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства»¹³.

2. Краткая справка о демографической истории послевоенной Нарвы

Современная Нарва — эстонский город, расположенный на границе Эстонской Республики и Российской Федерации. В городе преобладает русскоязычное население (83% горожан являются русскими по национальности¹⁴), что связано со сложной демографической историей Нарвы в XX в. До Второй мировой войны

⁹ См.: Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 420. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_12_alekseevsky_et_al_k.pdf (16.07.2019).

¹⁰ См.: Бурдакова О., Нымм Е. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства // Альманах североамериканских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2017. Вып. 2. С. 118. URL: <http://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=750> (16.07.2019).

¹¹ См.: Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского. С. 420.

¹² Осмысление зарождающейся традиции составления словарей локального текста см. в: Бурдакова О., Нымм Е. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Narva arvudes 2017 // Narva Linna Arenduse ja Ökoonoomika Amet. URL: http://www.narva.ee/ee/vasakpoolsed/narva_arvudes/page:3295 (14.10.2019).

Нарва входила в состав независимой Эстонской Республики и по своему этническому составу была многонациональным городом, самыми крупными этническими общинами в котором, по данным 1940 г., были эстонцы (62%), русские (33%), немцы (1,5%) и финны (около 1%)¹⁵. После 1941 г., когда началась массовая депортация коренных жителей города, и особенно по окончании войны вследствие государственной демографической политики СССР происходит серьёзное изменение в этническом составе населения города. Государственные задачи восстановления города после войны и формирования Нарвы как промышленного центра приводят к массовому притоку рабочей силы из разных союзных республик: если в конце 1944 г. в Нарве проживало 2 904 жителя¹⁶, то в начале 1970 г. число жителей составило уже 61 534 человека¹⁷. Результатом этой государственной политики становится обновление городского населения (к началу 1970 г. в Нарве сохраняется лишь 2% коренного эстонского населения¹⁸) и формирование новой многонациональной городской общины, объединённой общим — русским — языком. По данным Д. Всевиова, уже к началу 1950-х гг. северо-восток Эстонии, где расположена Нарва, становится русскоязычным регионом¹⁹.

После распада СССР Нарва стала приграничным городом, с 2004 г. здесь проходит восточная граница Европейского союза. Однако демографический состав населения Нарвы изменился в постсоветское время незначительно (по данным Нарвского городского департамента развития и экономики, в 2017 г. эстонцы составили 4% от общего числа жителей города²⁰). Подобная демографическая ситуация — не редкость в провинциальных городах, расположенных на границах бывших союзных республик.

Современная культура жителей этих городов во многом восходит к советским городским культурным практикам. Не является исключением и современный свадебный обряд.

3. «Свадебные достопримечательности» как компоненты локального текста Нарвы

Локальный текст включает в себя комплекс представлений горожан о своём городе: исторических и современных событиях, имеющих знаковый характер для горожан; локусах и топонимах; исторических личностях, посещавших Нарву, уроженцах и жителях города, много сделавших для развития Нарвы или прославивших её, а также о современниках с неоднозначной / многослойной репутацией; городских сообществах и институтах и т. д.

¹⁵ См.: Смолкуров А. Народонаселение Нарвы. Демографический обзор истории города // Сборник Нарвского музея. Нарва, 2000. С. 65.

¹⁶ См.: *Vseviõv D. Nõukogudeaegne Narva elanikkonna kujunemine 1944–1970.* Tartu, 2001. Lk. 40.

¹⁷ Ibid. Lk. 58.

¹⁸ Ibid. Lk. 4.

¹⁹ Ibid. Lk. 4–5.

²⁰ См.: *Narva arvudes 2017.*

Одним из компонентов нарвского локального текста, входящим в круг обязательного знания горожан о городе, являются т. н. свадебные достопримечательности. Свадебными достопримечательностями в исследовательской традиции называются городские объекты, которые посещают молодожёны (и гости) после официальной регистрации брака²¹. Новобрачные в сопровождении родственников и друзей совершают поездку по заранее спланированному или стихийно формирующемуся маршруту в пределах города и / или его окрестностей. Городской свадебный маршрут включает в себя довольно устойчивый, стандартизированный, стереотипный набор объектов городского и пригородного ландшафта: памятники, мосты, парки, природные объекты (водопады, деревья) и т. п. Сама свадебная прогулка выполняет несколько функций. Во-первых, она носит демонстрационный характер: машины, украшенные лентами и цветами, выстраиваются в колонну и, следуя друг за другом, в сопровождении автомобильных сигналов (гудков) проезжают от ЗАГСа по центральным улицам города, извещая горожан о торжественном событии и изменении семейного статуса. Во-вторых, прогулка имеет развлекательно-увеселительный характер: заполняет время между официальной регистрацией брака и свадебным банкетом. В-третьих, выполняет мнемоническую функцию: прогулка сопровождается фотосессией, фиксирующей детали знаменательного события семейной жизни. В-четвёртых, берёт на себя ритуальную функцию, поскольку отдельные обрядовые действия, совершаемые у объектов, восходят к архаической культуре и встраивают современную свадебную прогулку в традиции свадебной обрядности прошлого. Наконец, посещение свадебных достопримечательностей служит целям поддержания локальной идентичности горожан: молодожёны через традиционные городские практики подтверждают свою связь с местом проживания²².

3.1. Источники реконструкции маршрута свадебной прогулки нарвитян

Реконструкция маршрута свадебной прогулки проводилась на основе интервью и анкетирования горожан. На первом этапе (в 2014 г.) записывались рассказы горожан о собственных свадьбах или свадьбах их друзей и родственников. Всего было записано 14 интервью. Беседы проводились по нестрогому сценарию: мы просили нарвитян реконструировать маршрут свадебной прогулки по памяти (или с опорой на фотографии), спрашивали о том, готовился ли маршрут заранее, какие ритуальные и игровые действия сопровождали посещение того или иного объекта, почему важно было в день свадьбы посетить этот объект, какие легенды, слухи, толки сложились вокруг объекта. Устойчивость объекта в свадебном маршруте и в

²¹ См. Громов А. В. Новые обряды современного бракосочетания // ПостНаука [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/longreads/2649> (16.07.2019).

²² См.: Nõmm J., Burdakova O. Pulmapäeva külustuspaigad Narvas: pulmasõidu kujunemise ajaloost // Mäetagused. 2019. № 1 (73). Lk. 48. URL: http://www.folklore.ee/tagused/nr73/nomm_burdakova.pdf (16.07.2019).

локальном тексте в целом, по нашему мнению, связана с наличием разветвленной структуры нарративов о нём.

На основе интервью был составлен список из 15 объектов, повторяющихся в рассказах нарвитян, и подготовлена анкета для выявления в результате массового опроса типовых маршрутов нарвитян в период с 1955 г. по 2015 г. В анкете респондент должен был указать, когда и в каком ЗАГСе²³ был зарегистрирован брак, состоялась ли после регистрации брака свадебная прогулка (и если нет, то почему). Далее респонденты должны были отметить в списке объекты, припомнить их последовательность в маршруте, выбрать из списка возможных ритуальных и игровых действий те, которые совершались около объекта, в случае необходимости дополнить список объектов и совершаемых вокруг них действий. Анкетирование проводилось в 2014–2015 гг. В результате от людей, принадлежащих разным поколениям и социальным группам горожан, было получено 119 анкет.

Дополнительным источником изучения нарвского свадебного маршрута послужили записи 14 интервью, сделанные в июле 2011 г. в рамках проводившейся на базе Нарвского колледжа Тартуского университета антропологической экспедиции²⁴. В 2014–2016 гг. для уточнения отдельных деталей мы провели ещё два интервью с экспертами — авторами и реставраторами памятников.

Наш архив на сегодняшний день составляют рассказы и сведения о 146 свадьбах, состоявшихся в городе Нарве в период с 1955 г. по 2015 г.

3.2. Реконструкция свадебных маршрутов нарвитян

Советская традиция посещения памятных мест во время свадебной прогулки складывается в Нарве, как и во многих других городах СССР²⁵, в 1960–е гг. В исследовательской литературе нет единого мнения об истории появления свадебной прогулки. Согласно одной точке зрения, советская свадебная прогулка восходит к существовавшей до революции 1917 г. в крупных и малых городах России традиции кругового объезда свадебным поездом центральных улиц города²⁶. Согласно другой точке зрения, советский обычай посещения молодожёнами и гостями памятных мест возникает сравнительно недавно — во второй половине 1960-х гг.²⁷

Все исследователи признают, что распространение этой свадебной традиции связано с усилением в 1960-е гг. церемониальной стороны свадьбы в целом. В конце 1950-х гг. в советской прессе начинаются дискуссии о построении новой

²³ В Нарве всегда был один отдел записи актов гражданского состояния, но в разное время он имел разные адреса.

²⁴ Инициатором экспедиции был Санкт-Петербургский государственный университет, направивший в Нарву группу исследователей и гимназистов для собирания материалов локального текста.

²⁵ Ср.: Громов Д. В. Новые обряды современного бракосочетания.

²⁶ См.: Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980.

²⁷ См.: Громов Д. В. Новые обряды современного бракосочетания.

советской обрядности²⁸, эти обсуждения дают импульс для работы по созданию новых свадебных обрядов на местах. В городах Эстонии создаются специальные Комиссии по гражданским обрядам, куда входят представители местной исполнительной власти, партийной и комсомольской организации, ЗАГСов, образовательных и культурных учреждений. В строительстве новой свадебной обрядности комиссии опираются на народную культуру и возрождают / реконструируют отдельные компоненты архаического свадебного обряда. Результаты работы комиссий распространяются в рекомендательных тематических брошюрах²⁹.

Несмотря на то, что специальных рекомендаций по организации свадебной прогулки молодоженов и гостей в брошюрах мы не обнаруживаем, появление этой свадебной традиции в 1960-е гг. на фоне работы по созданию свадебной обрядности в целом выглядит закономерным. Вероятно, она была инициирована самими горожанами и закреплена в городской практике. Сегодня горожане заверяют, что нет необходимости специально оговаривать маршрут, поскольку он стандартизован и общеизвестен. Ср. ответы нарвитян (принадлежащих разным поколениям):

НК: В принципе мы не думали, не планировали (EN 14–02).

ОО: Ну... Не знаю, мне кажется, на самом деле это уже даже, ну, если у меня свадьба будет, это уже так понятно, что... Вот это если обсуждать, если только какие-то новые места, а так и так понятно, куда там эти свадьбы ездют. Маршрут один и тот же постоянно (EN 14–01).

3.2.1. Свадебный маршрут нарвитян в 1960-е гг.

В 1960-е гг. молодожёны во время свадебной прогулки традиционно посещали три объекта (см. *Рисунок 1*).

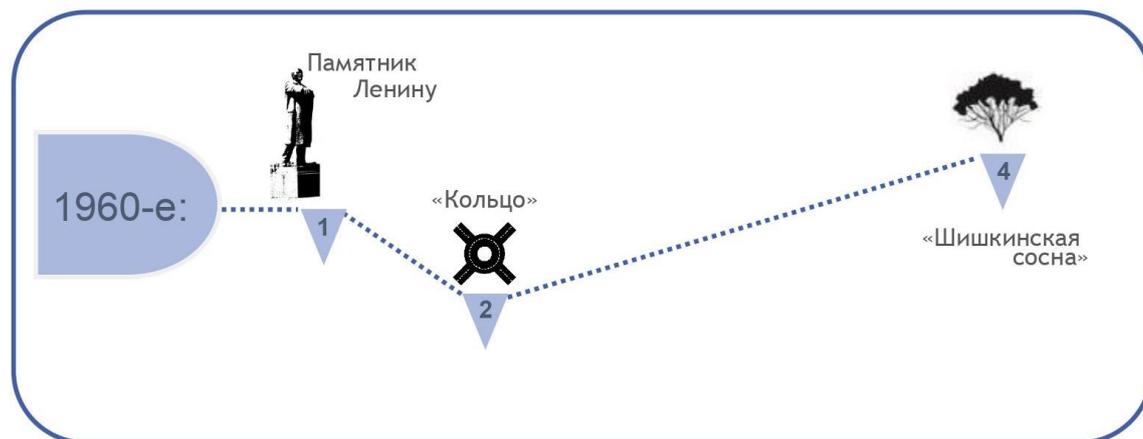

Рисунок 1. Типовой свадебный маршрут нарвитян в 1960-е гг.

²⁸ См.: Смолкин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 448. URL: http://www.intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2012_03-04/19.pdf (16.07.2019).

²⁹ См., например: Nõuandeid ilmalike kombetalituste kohta. Tartu, 1959; Tähistagem pidulikult perekondlikke sündmusi. Tallinn, 1960; Kaunilt, meeldejäädvalt: Nõukogulikke kombetalitusi. Artiklikogumik / Koost. K. Oja. Tallinn, 1965.

Первым по порядку посещения был **памятник Ленину** (см. *Фото 1*), располагавшийся на гранитном постаменте в северной части Петровской площади. Памятник был открыт 7 ноября 1957 г., его авторы: скульптор О. Мянни и архитектор И. Борк³⁰. В советскую эпоху памятник Ленину на Петровской площади был «участником» официальных праздничных мероприятий. С трибун, построенных позднее перед монументом, отцы города приветствовали горожан во время первомайской демонстрации, октябрьского митинга или парада в честь дня Победы и т. д. Памятник Ленину являлся одновременно и символом советской эпохи, и символом советской Нарвы. Он находился в центре советской Нарвы, в сердце города, перед зданиями городской администрации. Неслучайно в одном из фотоальбомов Нарвы, изданных в советское время, фотография этого памятника фактически открывала собой альбом, позиционируя Нарву как советский город³¹. Очевидно, именно в силу этих причин памятник Ленину на Петровской площади становится объектом свадебного маршрута в советское время. Характерно, что посещение этого места сопровождалось ритуалом возложения молодожёнами цветов к подножию монумента (этот ритуал воспроизводил традиционные действия около памятника Ленину, утвердившиеся в официальной праздничной культуре). Факультативным действием около памятника было фотографирование свадебной группы. Групповые портреты у памятника Ленину носили постановочный характер: жених и невеста располагались в центре первого ряда на нижней ступеньке лестницы. Эти свадебные фотографии были выполнены в традиционной стилистике советских групповых (школьных, производственных, командных) портретов. Памятник Ленину воспринимался молодожёнами как символ советской идентичности. Включение его в свадебный обряд хорошо согласуется с сознательной централизованной работой по созданию советской свадебной обрядности: введение нового Семейного кодекса, традиции комсомольских свадеб, возрождение традиции обручальных колец, «возвращение» свадебного платья невесты во второй половине 1950-х гг.³², строительство в городах Дворцов бракосочетаний³³, создание торжественной процедуры регистрации в середине 1960-х гг.³⁴ В 1990-е гг. в связи с изменением идеологических ориентиров в обществе молодожёны перестают посещать памятник Ленину. В 1993 г. Правительство Эстонской Республики и Нарвское городское собрание приняли решение

³⁰ *Krivošev J.* Narva ekskursioonijuhth. Tallinn, 1960. Lk. 74; *Коченовский О.* Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991. С. 247.

³¹ *Migdal S.* Narva. Tallinn, 1978.

³² *Ростовская Н. А.* Эволюция свадебной обрядности русского городского населения России в советский период // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 950–953.

³³ *Тимофеева А. В.* Традиции и новации в русском свадебном обряде: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. С. 106.

³⁴ См.: *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. С. 83; *Громов Д. В.* Новые обряды современного бракосочетания.

демонтировать памятник Ленину и перенести на территорию Нарвского замка, что и было осуществлено 21 декабря того же года³⁵. О значении памятника Ленину в локальном тексте Нарвы см. нашу статью «Свадебные достопримечательности в Нарве: к истории зарождения свадебной прогулки»³⁶.

Фото 1. Памятник В. И. Ленину на Петровской площади (скульптор — Олав Мянни), 1960–1975 гг. Источник фотографии: ЕКМ j 59395 FK 3021, Художественный музей Эстонии (<http://www.muis.ee/museaalview/3537452>).

Вторым объектом свадебного маршрута была **круговая транспортная развязка** на пересечении трёх главных магистралей города — Таллиннского шоссе, улиц Пушкина и Я. Анвельта (ныне — ул. П. Кереса), — именуемая горожанами «Кольцо» (см. *Фото 2*). Свадебный «поезд» в сопровождении гудков машин несколько раз объезжал транспортную развязку по кругу, извещая горожан о торжественном событии и изменении семейного статуса молодых. В рассказах нарвитян обнаруживаем разные трактовки ритуального объезда. Одни рассказывают о том,

³⁵ *Bulatnikov V.* Nõukogude ajastu ausambad Narvas 1945–1960 // Narva Muuseum. Toimetised. 2012. № 12. Märgilised mälestised. Uurimisi Narva piirkonna ajaloo kohta. Lk. 194.

³⁶ *Nõmm J., Burdakova O.* Pulmapäeva külustuspaigad Narvas: pulmasõidu kujunemise ajaloo kohta. Lk. 53–57.

что объезд транспортной развязки совершается трижды, другие заверяют, что количество объездов имеет символическое значение «пожелания» молодоженам одного, двух, трёх и более детей³⁷.

Фото 2. Круговая транспортная развязка в центре Нарвы, 2017 г.

Автор фотографии — Глеб Нечволодов.

Третьим объектом свадебного маршрута была сосна, которая находится в 21 км от города, на территории курорта Нарва-Йыэсуу, у шоссе в Мерекюла. Это дерево нарвитяне называют «**Шишкинской сосной**» (см. Фото 3) в честь русского пейзажиста второй половины XIX в. И. И. Шишкина (1832–1898), который в 1888 г., 1892 г., 1894 г., 1895 г. отдыхал и работал в Гунгербурге — ныне г. Нарва-Йыэсуу³⁸. В 1970-е гг. складывается ритуал повязывать на сосну шелковые ленты: жених или свидетель залезает на дерево и повязывает ленту. Горожане верят: если ленточка завязана бантиком, можно ждать девочку в семье молодоженов, просто узелком — мальчика. Посещение сосны, таким образом, имеет не только игровое, но и ритуальное значение: испытание супруга и прошение о прибавлении в семействе. С интерпретацией генезиса ритуальных действий у «Шишкинской сосны» можно познакомиться в статье «Свадебные достопримечательности в Нарве: к истории зарождения свадебной прогулки»³⁹.

³⁷ Подробнее см.: Ibid. Lk. 57–59.

³⁸ См.: Мазанов Ю. Шишкин и Нарвское взморье // *Его же*. «Нынешнее лето мы жили за Нарвой...» СПб., 2012. С. 9–38; *Его же*. И. Шишкин на Нарвском взморье. СПб., 2014.

³⁹ Nõmm J., Burdakova O. Pulmapäeva külustuspaigad Narvas: pulmasõidu kujunemise ajaloost. Lk. 59–62.

Фото 3. «Шипшинская сосна» в Нарва-Йыэсуу, 2017 г.

Автор фотографии — Глеб Нечволодов.

3.2.2. Свадебный маршрут нарвитян в 1970-е гг.

В 1970-е гг. в состав «свадебных достопримечательностей» попадают ещё три объекта: «Танк», «Три птыка» и памятник Мерекюласкому десанту, отличающиеся от описанных выше по своему идеологическому содержанию (см. *Рисунок 2*). Эти памятники событиям Второй мировой войны были установлены в нарвских окрестностях в 1970-е гг.

В 1960–1970-е гг. ведётся активное строительство мемориалов воинской славы Второй мировой войны, и многие памятники попадают в свадебные маршруты столичных и провинциальных советских городов. По мнению некоторых исследователей, даже сам обычай свадебной прогулки по памятным местам рождается из поездки молодожёнов к вечному огню⁴⁰. Включение военных мемориалов в свадебный маршрут не было случайностью. В 1965 г. после почти двадцатилетнего перерыва День Победы вновь становится выходным праздничным днем. С того времени очень пышно празднуются годовщины со дня победы и освобождения советских городов, складываются разнообразные городские и производственные практики: встречи с ветеранами в школах, пионерских лагерях, на производстве, лектории, книжные выставки, поисковые экспедиции, борьба

⁴⁰ См.: *Бойцова О.* Роль фотографии в современном городском свадебном обряде // *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность.* Саратов, 2007. С. 100.

школ / пионерских дружин за право носить имя героя войны, «включение» в состав производственной бригады погибшего героя войны и открытие так называемого «лицевого счета» — списка обязательств, которые бригада берет на себя, и т. д. и т. п. Эти факты свидетельствуют о целенаправленной государственной политике по конструированию в сознании советских граждан исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Эта политика распространяется и на культуру гражданского быта. В таком контексте включение памятников воинской славы в маршрут свадебной прогулки выглядит закономерным, поэтому трудно выделить в качестве главной какую-то одну причину появления обычая посещать мемориалы ВОВ. Вполне вероятно, что у самих молодожёнов возникала идея в день семейного торжества почтить память советских воинов⁴¹. Убедительным выглядит и предположение исследователей о том, что памятники воинской славы попали в число объектов посещения свадебного поезда как заместители могилы погибших на войне родителей молодожёнов. Именно в конце 1960-х гг. выросло первое поколение детей, родители которых погибли во Второй мировой войне⁴².

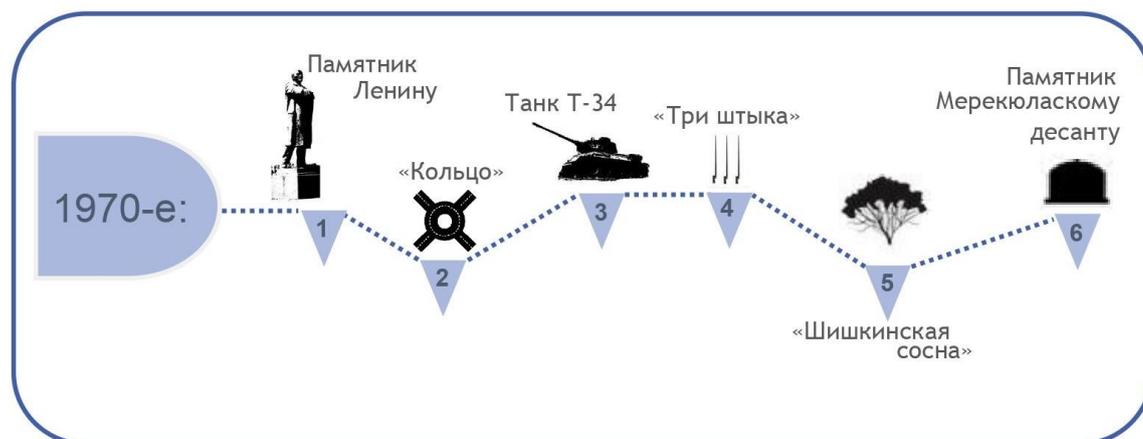

Рисунок 2. Типовой свадебный маршрут нарвитян в 1970-е гг.

Мемориал «Боевой Танк Т-34» (см. *Фото 4*) попадает в маршрут свадебной прогулки нарвитян сразу же после своего открытия в 1970 г. Он был установлен 9 мая, в День Победы, на берегу реки Наровы — месте ожесточённых боев. Вокруг памятника очень быстро складывается городская «мифология»: горожане считают, что водружённый на постамент танк участвовал в битве за Нарву в июле 1944 г., был затоплен во время форсирования реки Наровы и поднят в мирное время со дна реки. В основе этого мифа лежит реальная история (по воспоминаниям современников военных событий, один из танков действительно был затоплен во время переправы

⁴¹ См.: Адоньева С. Б. Категория настоящего времени. СПб., 2001. С. 150–151.

⁴² См.: Там же; Громов Д. В. Новые обряды современного бракосочетания.

через Нарову, а в послевоенное время предпринимались попытки его разыскать, которые не увенчались успехом). Боевая машина, ставшая частью мемориала «Танк Т-34», была собрана из деталей разных танков времён Второй мировой войны и не имеет отношения к затонувшему в 1944 г. танку. Памятник «Танк Т-34» важен для локальной идентичности современных горожан, о чем свидетельствует неустанный контроль за памятником: его оберегают от попыток перенести на другое место, актов вандализма, реставрируют на добровольных началах. В 1970–1980-е гг. посещение танка молодожёнами сопровождалось традиционными для официальной культуры действиями — возложением цветов и фотографированием. В 1990–2000-е гг. к ним добавляются новый ритуал «прощания невесты с девичьей фамилией» и украшение танковой пушки атласными лентами. Последнее действие осуждается горожанами, распространяется слух о запрете повязывать ленты вокруг пушки и постепенно эта традиция уходит в прошлое⁴³.

Фото 4. Мемориал «Боевой Танк Т-34», 2017 г.

Автор фотографии — Глеб Нечволодов.

В 1970-е гг. в свадебный маршрут нарвитян включаются ещё два расположенных за городской чертой военных мемориала — братское захоронение Мерекюлаского десанта и памятник «Три птыка». Установке в 1972 г. **памятника Мерекюласкому десанту** (см. Фото 5) предшествовали многочисленные публикации о героическом подвиге советских десантников в феврале 1944 г. Эта трагическая история долгое время замалчивалась в официальной историографии, и только на рубеже 1960–1970-х гг. во всесоюзной, республиканской и городской прессе появляются рассказы о военной операции морского десанта

⁴³ Подробнее об истории монумента см.: Бурдакова О., Нымм Е. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства.

Краснознаменного Балтийского флота в районе деревни Мерекюла⁴⁴. Вполне закономерно, что после такого резонансного освещения событий в СМИ, новый памятник начинают посещать свадебные процессии. В краеведческой литературе отмечается, что к концу 1970-х гг. его посещение приобретает массовый характер⁴⁵. В 1974 г. к тридцатилетней годовщине освобождения Нарвы от немецких войск в окрестностях Нарвы появляется ещё один памятник — «Три штыка» (см. *Фото 6*) — дань комсомольской молодёжи освободителям города⁴⁶. В создании монумента участвовали комсомольцы городских предприятий⁴⁷, что, очевидно, способствовало включению его в число свадебных достопримечательностей. Обрядовые действия вокруг этих памятников носят традиционный характер: молодожены возлагают цветы к мемориалу и фотографируются⁴⁸.

Фото 5. Памятник Мерекюласкому десанту, 2017 г.

Автор фотографии — Глеб Нечволодов.

⁴⁴ Ситин Ю., Кривошеев Е. Драма у Мерекюла // Нарвский рабочий. 1970. 24 ноября. № 139 (4034). С. 2; Их же. Драма у Мерекюла // Там же. 1 декабря. № 142 (4037). С. 2; Ситин Ю. Этих дней не смолкнет слава // Там же. 1972. 11 мая. № 56 (4261). С. 2; Костин Н., Кривошеев Е. Удар с моря // Там же. 1974. 30 апреля. № 52 (4565). С. 2–3; Любимов А. Огненные версты // Молодежь Эстонии. Таллин, 1971. 14 марта. № 50 (4930). С. 2; Алексеев Н. Я был во втором эшелоне... // Там же. 11 апреля. № 70 (4950). С. 4; Валов А. Бой за высадку // Там же. 25 апреля. № 80 (4960). С. 4; Кабанов С. В том далеком феврале // Там же. 25 июля. № 143 (5023). С. 4; Бочков А., Гринкевич В., Пушкин П. Последняя высота // Там же. 1972. 14 января. № 10 (5147). С. 3.

⁴⁵ Ср.: «Здесь замедляют свой бег и останавливаются свадебные вереницы “Чаек” и “Волг”. Молодожены возлагают цветы к памятнику тех, кто не пощадил себя в бою за счастье народа» (Гринкевич В. II. Разве можно забыть Мерекюла? М., 1979. С. 78).

⁴⁶ См.: Ситин Ю. Семь километров и... 30 лет // Нарвский рабочий. 1974. 30 июля, №91 (4604). С. 3.

⁴⁷ См.: Ида О. Художник Рашид Шамсутдинов, выразитель памяти народной. Нарва, 2010. С. 23.

⁴⁸ Осмысление истории включения в нарвский свадебный маршрут памятников воинской славы см. в статье: Burdakova O., Nõmm J. World War II Monuments as Wedding Procession Sites in Post-Soviet Cities: the Example of Narva, Estonia (в печати).

Фото 6. Военный мемориал «Три штыка» (скульптор — Р. Шамсутдинов), 2017 г.
Автор фотографии — Глеб Нечволодов.

Из рассмотренных памятников воинской славы сегодня свое прежнее значение в свадебном маршруте сохраняет только «Танк Т–34».

3.2.3. Свадебный маршрут нарвитян в 1980–1990-е гг.

В 1980–1990-е гг. молодожёны начинают посещать редкие сохранившиеся в Нарве архитектурные памятники старины — Нарвский замок и Ратушу.

Памятник крепостного зодчества **Замок Германа**, находившийся после Второй мировой войны длительное время на реставрации, частично был открыт для посещения в 1986 г. Красивые виды исторической крепости начинают использоваться во время свадеб как место для фотосессий. Сам замок является одним из символов города, поэтому фотографирование на фоне замка и крепости выполняет функцию закрепления городской идентичности. Сегодня Нарвский музей сдаёт в аренду залы для регистрации брака и предлагает целый пакет услуг по организации бракосочетания и свадебного торжества. Если регистрация брака происходит в замке, то после неё на выходе из замка гости осыпают молодоженов рисом⁴⁹. Кроме того, на территории Нарвского замка молодожёны нередко запускают в небо пару белых голубей⁵⁰.

⁴⁹ Ритуал посыпания молодожёнов после венчания зерном или хмелем — традиционная черта древнего свадебного обряда, возникшая, по всей видимости, ещё в языческие времена и включённая в христианскую свадьбу. По мнению Л. В. Тимофеевой, эта традиция была заимствована славянами: «У многих народов жениха и невесту обсыпали зернами. Цель этого ритуала — в призвании удачи. Зерна пшеницы и риса — неременная принадлежность языческой свадьбы (у русских посыпали еще и хмелем). Этим действием не только выражали надежду, что брак будет прочным, но и веру, что зерна передадут свою волшебную силу паре, на которую упадут, и молодые станут жить счастливо, богато и сыто» (Тимофеева Л. В. Традиции и новации в русском свадебном обряде. С. 17–18). До середины XVII в. «осыпание новобрачных зерном или хмелем и т. д. обязательно

Иногда свадебные кортежи подъезжают к одному из немногих уцелевших и восстановленных после Второй мировой войны в Нарве зданий — городской **Ратуше** (см. *Фото 13*), которая была построена в период шведского владычества в 1671 г. и является ярким образцом т. н. нарвского барокко. В советские годы в здании Ратуши размещался Дворец пионеров, в 1990-е гг. здание было закрыто для свободного посещения, поэтому свадебные процессии традиционно фотографировались только на фоне фасада Ратуши и на ступенях наружной лестницы, украшенной коваными перилами.

В целом в рассматриваемый период (1980–1990-е гг.) традиционный нарвский свадебный маршрут расширяется за счёт включения в него главным образом природных объектов в городе и за его чертой (см. *Рисунок 3*). По мнению Д. Громова, посещение природных объектов связано с программированием беспроблемной, здоровой и счастливой жизни молодоженов⁵¹.

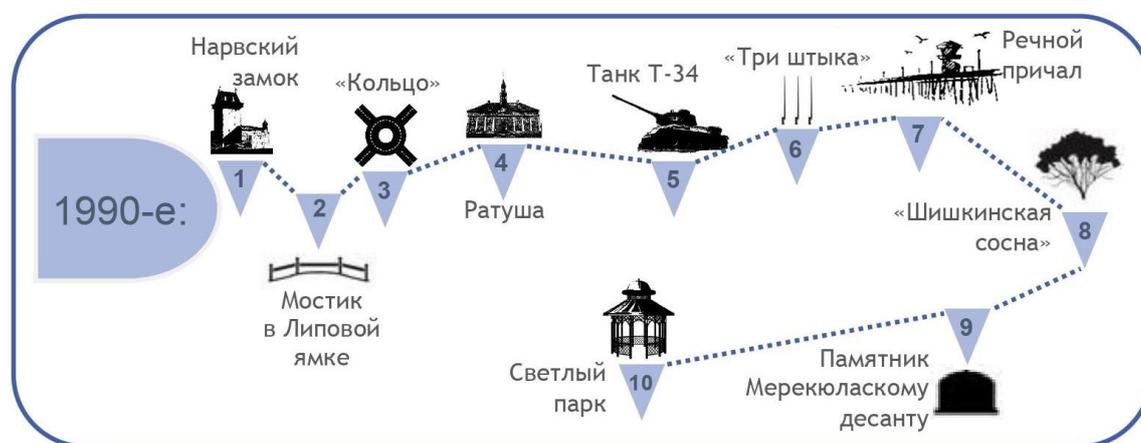

Рисунок 3. Типовой свадебный маршрут нарвитян в 1990-е гг.

После регистрации брака молодожены в 1990-е гг. начинают посещать **Липовую ямку** (официальное название — Йоаорг — искусственно созданный в центре города овраг, на берегу реки Наровы, который используется нарвитянами как зона пляжного отдыха, см. *Фото 7*). В 1997 г. в Липовой ямке был установлен мостик

совершалось на свадьбах у всех социальных слоев России» (см.: *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. С. 67), в материалах по городской свадебной обрядности середины XIX в., как свидетельствует Г. В. Жирнова, подобные обряды не упоминаются (Там же). Между тем в 70-х гг. XX в традиция осыпания молодожёнов зерном и деньгами вновь фиксируется в малых и средних городах средней полосы России (Там же. С. 109). По всей видимости, немалую роль в возрождении утраченной традиции имела сознательная работа профессиональных организаторов свадебных торжеств по созданию свадебной обрядности и реконструкции старинных обычаев.

⁵⁰ Л. В. Тимофеева, исследовавшая традиции и новации в восточнославянском / русском свадебном обряде X–XX вв., отмечает, что традиция запуска голубей в честь новобрачных — новшество, появившееся в XVIII–XIX вв. в городской и дворянской среде (*Тимофеева Л. В.* Традиции и новации в русском свадебном обряде. С. 66–67).

⁵¹ См.: *Громов Д.* Новые обряды современного бракосочетания.

(см. *Фото 8*). Молодожёны облюбовали его как место для навешивания замочков⁵². Эта итальянская по происхождению традиция получила большое распространение в Эстонии в 2000-е гг. Примечательно, что в современной России традиция прикреплять во время свадьбы замочки на мостах влюбленных столь же актуальна⁵³. Считается, что пристёгнутый к железному мосту замок с выкинутым в воду ключом символизирует вечность любви и нерушимость заключённого брака.

Фото 7. Липовая ямка (овраг Йоаорг) в Нарве, 2019 г.
Автор фотографии — Анна Маркова.

Фото 8. Мостик в Липовой ямке (овраг Йоаорг), 2019 г.
Автор фотографии — Анна Маркова.

⁵² По мнению Д. Громова, эта традиция возникла в 1970-х гг. во Флоренции, в начале 1990-х получила распространение в Риме, а в 1990–2000-х гг. — в Европе в целом. В России этот свадебный обычай впервые был зафиксирован в 2006 г. (Там же).

⁵³ См.: *Матлин М. Г.* «Замки счастья» на мосту влюбленных: об одной новации в современной городской свадьбе // *Славянская городская культура и современный мир*. М., 2010. Вып. 13. Традиционная культура современного города. С. 194–217.

Выезжая за город, по пути к Шишкинской сосне в 1980-е гг. молодожёны останавливаются у **речного причала** (см. *Фото 9*) в курортном городке Нарва-Йыэсуу (в 14 км от Нарвы)⁵⁴. Это место оказалось удобным для совершения новых свадебных ритуалов. Здесь молодая жена «прощается» со своей девичьей фамилией, молодые супруги загадывают желания на будущую счастливую семейную жизнь. Ритуал «прощания» молодой жены с отцовской фамилией зафиксирован в двух вариантах. Первый вариант: молодая супруга записывает девичью фамилию на листке бумаги, запечатывает в бутылку и запускает в реку Нарову. Некоторые молодожёны, как уже отмечалось ранее, выбирают для этого ритуала смотровую площадку мемориала «Танк Т-34». Однако для запуска бутылки со смотровой площадки от молодожёнов требуется немалая сноровка, а с расположенного фактически в месте соединения реки Наровы и Нарвской губы Финского залива Балтийского моря причала бутылку с «посланием» нетрудно пустить в «плавание». Нижнее течение реки обязательно унесёт закупоренную бутылку в воды Финского залива, а не прибьёт на глазах у гостей свадьбы обратно к берегу (что очень важно для обряда «перехода»: девичья фамилия «уплывает» навсегда, без возврата). Описанный вариант ритуала, очевидно, складывается под влиянием популярной приключенческой литературы, литературы путешествий, в которой потерпевшие кораблекрушение герои нередко отправляют бутылку с посланием в море в надежде на спасение. Второй вариант ритуала с тем же значением: супруга пишет свою девичью фамилию на воздушном шарике и отпускает его в небо. Ср.:

ОО: Дальше вот мы поехали в Усть-Нарву⁵⁵, и вот в Усть-Нарве, где там этот причал, или как он там есть, вот когда вот сразу же направо... Там вот этот мостик-то, ну, вот на речке-то. Вот. И вот там вот у нас невеста запускала шарик со своей фамилией, что она отпускала, что свою фамилию. А Жених вот с этого причала, вот с этого мостика в бутылке... Типа желание они загадывали, и вот в этой, ну, бутылке от шампанского, кидали её вот в эту речку. Вот.

И 11: Именно жених должен был?

ОО: Именно жених, да.

И 12: Жених загадывает желание, да, на свадьбу?

⁵⁴ По данным историков, речной причал в устье реки Наровы был сооружен в 1767 г. (*Овечкина И. П., Стрелков В. В.* Курорт Нарва-Йыэсуу и его окрестности. Б. м., 1995. С 4). Активное использование причала как пристани речных прогулочных судов начинается с 1870-х гг., когда Городская дума Нарвы приняла решение о выделении горожанам участков под дачные застройки в Гунгербурге. В качестве рекламной акции был открыт для горожан прогулочный маршрут по Нарове до Гунгербурга и обратно. В дальнейшем с развитием курорта речное сообщение стало связывать Нарву с Гунгербургом.

⁵⁵ Русское название города Нарва-Йыэсуу.

ОО: Они вместе загадывают желание, вот в эту бутылку... Ну вместе там типа закрывают её, ну жених кидает её уже в речку сам, один.

И 12: А невеста свое имя, фамилию пишет на шарике, да?

ОО: На шарике, да. И отпускает этот шарик, что это старая фамилия улетает. В общем, теперь приходит новая (ЭН 14–01).

Фото 9. Речной причал в г. Нарва-Йыэсуу, устье реки Наровы.

Источник фотографии: ERM Fk 2644:15866, Эстонский национальный музей, (<http://www.muis.ee/museaalview/1521551>).

Оба описанных выше варианта «прощания молодой супруги с девичьей фамилией» растиражированы в интернете: многочисленные порталы, фирмы по организации свадеб предлагают подобную услугу и рекомендуют молодожёнам включать этот шуточный обряд в список свадебных развлечений. До конца XX в. аналогов этому ритуалу мы не находим ни в сельской, ни в городской культуре, что вполне объяснимо: даже в конце XIX в. далеко не все сословия, как известно, имели фамилии. По существу, ритуал «прощания с фамилией» как обряд перехода теоретически мог сложиться и получить массовое распространение только после 1917 г.

На обратном пути от Шишкинской сосны свадебный кортеж обычно останавливается в **Светлом парке**, расположенном на территории Нарва-Йыэсуу.

Светлый парк⁵⁶ с искусственно созданным водоёмом является регулярным парком. Излюбленным местом для фотографирования становится беседка в Светлом парке. В целом пейзажи парковой зоны (беседка, мостик через пруд и т. д.) традиционно используются как фон для фотографий. В начале XXI в. появляется традиция вешать на перила мостика замки.

В 1990–е гг. из списка свадебных объектов исключаются памятник Ленину, а в 2000–е гг. — военные мемориалы: памятник Мерекюласкому десанту и «Три шттыка».

3.2.4. Свадебный маршрут нарвитян в 2000–е гг.

В 2000–е гг. в маршрут прогулки включаются новые установленные в центре города памятники — «Шведский лев» и «Свадебное дерево» (см. *Рисунок 4*).

Рисунок 4. Типовой свадебный маршрут нарвитян в 2000–е гг.

«Шведский лев» (см. *Фото 10*), или памятник в честь победы шведов в сражении 1700 г. под Нарвой, является относительно поздним объектом, появившемся в свадебном маршруте нарвских молодожёнов. Он попадает в число свадебных объектов в 2000–е гг., причём сразу же после установления памятника. Открытие этого восстановленного исторического памятника состоялось 18 ноября 2000 г. и было приурочено к празднованию трёхсотлетия со дня Нарвского сражения⁵⁷. Причины, по которым Шведский лев был выбран молодожёнами в качестве объекта свадебного маршрута, могут быть разными.

⁵⁶ Он был разбит уже в 1873 г., когда курорт только начал складываться (*Стрелков В. Золотое кольцо Гунгербурга: Курорт Нарва-Йыэсуу. СПб., 2007. С. 207*), и создан в противовес Тёмному (или Тенистому) парку, расположенному по другую сторону Мерекюлаского шоссе. Тёмный парк представляет собой сохранённую нетронутой часть лесного массива, прилегающую к береговой кромке.

⁵⁷ См.: *Raik K., Toode A. Narva eile ja täna. Narva vaatamisväärsused. Narva, 2004. С. 30–31.*

Фото 10. Памятник «Шведский лев» в Нарве, 2019 г.

Автор фото — Анна Маркова.

Фото 11. Памятник «Шведский лев» и смотровая площадка в Нарве, 2019 г.

Автор фото — Анна Маркова.

Во-первых, определённую роль сыграла близость памятника к ЗАГСу. В начале 2000-х гг. регистрация брака проходила в здании на улице Кирику. Во-вторых, возвышенные берега Наровы в районе Липовой ямки с видом на обе крепости традиционно избирались фотографами для создания памятных снимков (например, по случаю окончания школы или гимназии). Вид на Нарвский замок и Ивангородскую крепость является знаковым для городской идентичности, это своего рода визитная карточка города (вспомним, что в своё время этот вид красовался на эстонской пятикрупной купюре). В-третьих, выбор Шведского льва в качестве свадебной достопримечательности, очевидно, связан с тем обстоятельством, что в 1990-е годы в связи с переносом памятника Ленину на территорию Нарвского замка

и исключением этого объекта из свадебного маршрута в черте города осталось не так уж и много мест для посещения молодожёнами. Основные и традиционные объекты были вынесены за городскую черту и располагались по дороге в Нарву-Йыэсуу или на территории курорта. Соответственно, ощущалась потребность в появлении заместителей старых объектов. Таким заместителем становится памятник шведской победе в 1700 г. Интересно, что, заместив собой объект с ярко выраженной идеологической окраской и будучи тоже монументом с идеологическим подтекстом, в маршрут молодожёнов Шведский лев попадает как объект со стёртым идеологическим значением. Характерно, что нет традиции возложения молодожёнами цветов к этому памятнику. Фактически Шведский лев является только местом для фотографирования, и для этого главным образом используется смотровая площадка (см. *Фото 11*), расположенная за памятником, а не сам монумент. Сам памятник зачастую оказывается «за кадром» фотографии (что сближает свадебную и туристскую фотографии «у Шведского льва»). Многие информанты подчеркивают в своих интервью, что включение посещения Шведского льва в свадебную прогулку связано с тем, что смотровая площадка удобна для групповых фотографий. Ср.:

И 12: А вы не знаете, почему вообще (памятник льву не так давно поставлен по меркам городской истории), почему вообще именно этот памятник, а не какие-то другие памятники, которые есть в городе, выбирают в качестве такого свадебного объекта?

ОО: Ну, не знаю. Мне кажется на самом деле, что там больше не памятник выбирают, там больше выбирают вид, наверно. Что вот, ну свадебные фотографии просто, что вот этот фон красивый, наверно. Потому что мало кто фоткается прямо перед памятником. В основном все всё равно все за памятник уходят и там в основном фотографируются.

И 12: То есть памятник неважен оказывается...

ОО: Ну да, мне кажется, что с этим видом, с этим Замком, с этой речкой. Вот так вот (ЭН 14–01).

Можно даже сказать, что памятным и знаковым местом оказывается не сам монумент, а тот вид, который за ним открывается для наблюдателя. Не исключаем, что в маршрут свадебной прогулки этот памятник попал с лёгкой руки сопровождавших свадебный поезд профессиональных фотографов. Во всяком случае, один из наших информантов вспоминает, как сразу после установки памятника, когда традиции посещения его как таковой ещё не существовало, фотограф предложил молодожёнам отправиться на это место сделать фотографии:

И 11: А в то время, когда вы замуж выходили, не было ещё этой традиции...

НК: Нет. Он только-только появился, этот памятник. И просто, ну, видимо, фотограф с нами была профессионал, которая, видимо, уже не первую свадьбу обслуживала и она сказала: «Давайте съездим туда. Там шикарные фотографии получаются. Всё так здорово и интересно будет». Опять же такое, ну, вот две вот эти

крепости — для Нарвы такое значимое традиционно красивое место. Почему бы нет? (ЭН 14–02).

В конце 2000-х гг. в городе появляется «свадебная достопримечательность», которая, в отличие от всех описанных выше, специально создавалась для поддержания традиции свадебной прогулки. Осенью 2008 г. в Нарве было торжественно открыто «Свадебное дерево» (см. *Фото 12*). Автором его стал нарвский кузнец Р. Шамсутдинов, он же является создателем монумента «Три штыха». По инициативе городских властей в Замковом парке на самом краю бастиона было установлено железное дерево серебристого цвета, на которое молодожёны могут прикреплять железные листочки со своими именами и днём бракосочетания. Нарвское «Свадебное дерево» является воплощением в жизнь проекта, победившего на городском конкурсе 2006 г. по выбору нового места для проведения свадебной традиции, его авторы — работники Нарвского молодёжного центра А. Коновалова и Е. Семичишин. Очевидно, что сама традиция установки в городе свадебных деревьев не уникальна: в российских городах существуют свадебные деревья, на которые молодожены прикрепляют замочки⁵⁸). Любопытно, что сами авторы этого проекта представляют идею нарвского «Свадебного дерева» как оригинальную и не имеющую аналогов в других городах мира. Эта версия поддерживается в местных и республиканских СМИ⁵⁹. Такое стремление представить те или иные городские начинания как уникальные вообще характерно для нарративов локального текста.

Фото 12. Молодожены у «Свадебного дерева».

Фотография из частного семейного архива.

Нарвское «Свадебное дерево» сохраняет в себе память сразу о трёх объектах нарвского свадебного маршрута. Во-первых, это Шишкинская сосна с обрядом

⁵⁸ См.: Громов Д. Новые обряды современного бракосочетания.

⁵⁹ Смирнов И. В Нарве «посадили» свадебное дерево // Северное побережье. 2008. 17 декабря. URL: <http://rus.pohjarannik.ee/modules.php?name=News&file=article&sid=8414> (16.07.2019); В Нарве «посадили» свадебное дерево // Первый Балтийский канал. 2008. 23 декабря. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=EkpIX5q7ezA> (16.07.2019).

повязывания ленточки на ветвях дерева. Во-вторых, это мостик на Липовой ямке, который соединяет склон берега реки с перешейком, отделяющим, в свою очередь, купальную зону от основного русла Наровы. На мостике было принято пристёгивать замки, часть которых по сей день можно там наблюдать. Неслучайно некоторые молодожены вместо листочка или вместе с ним прикрепляют к железному дереву миниатюрный замочек (хотя это можно рассматривать и как отголоски влияния российской традиции). В то же время не вызывает сомнения, что «Свадебное дерево» было установлено как раз с целью переключить внимание молодожёнов с одного объекта на другой, поскольку известно, что большую часть замков с мостика на Липовке сняли. В-третьих, по замыслу авторов проекта «Свадебного дерева», оно должно было занять пустующее ныне место памятника Ленину на Петровской площади. В 2006 г. идея активно обсуждалась в прессе⁶⁰. Это обсуждение закрепляется в памяти горожан, и некоторые из них рассказывают, что «Свадебное дерево» занимает сегодня место памятника Ленину.

Л: И у нас теперь в Нарве тоже есть...

АГС: ...свадебное дерево. Да, такое, выкованное!

Л: ...там, где Ленин был (ЭН 11–40).

Если бы замысел авторов проекта был воплощён, то можно было бы говорить, что память места сыграла определённую роль в судьбе новой «свадебной достопримечательности». Однако городские власти всё-таки сочли это «неуместным», установив «дерево» в Замковом парке⁶¹. В то же время примечательно, что город не сразу отказался от идеи установить «Свадебное дерево» на Петровской площади, ещё в начале 2008 г. она рассматривалась как вполне реальная⁶².

3.2.5. Свадебный маршрут нарвитян в 2010-е гг.

В 2010-е гг. нарвский свадебный маршрут пополняется ещё одним городским объектом — **новым зданием Нарвского колледжа Тартуского университета** (см. *Фото 13*). Здание было открыто в ноябре 2012 г., построено на Ратушной площади, в бывшем центре шведской Нарвы, на месте стоявшей здесь когда-то биржи. Нарвитяне не сразу приняли идею строительства нового здания: проект вызвал оживлённые общественные дискуссии по поводу уместности строительства современного и нетрадиционного в стилистическом отношении здания в когда-то существовавшем историческом центре города. Здание соединяет современные стилистические архитектурные решения с реминисценциями облика биржи времени

⁶⁰ В Нарве на месте Ленина воздвигнуто свадебное дерево // Delfi [Электронный ресурс]. 2006. 1 ноября. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/v-narve-na-meste-lenina-vozdvignut-svadebnoe-derevo.d?id=14219486> (16.07.2019); В Нарве на месте Ленина вырастет «свадебное дерево» // Postimees [Электронный ресурс]. 2006. 1 ноября. URL: <http://rus.postimees.ee/2246607/v-narve-na-meste-lenina-vyrastet-svadebnoe-derevo> (16.07.2019).

⁶¹ См.: *Смирнов И.* В Нарве «посадили» свадебное дерево.

⁶² См.: *Смирнов К.* В Нарве установят «Свадебное дерево» // Delfi [Электронный ресурс]. 2008. 15 февраля. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/v-narve-ustanovyat-svadebnoe-derevo.d?id=18200582> (16.07.2019).

шведского правления. Со времени открытия новое здание Нарвского колледжа становится не только учебным, но и культурным городским центром: здесь регулярно проходят концерты, выставки, конференции, семинары, круглые столы. Здание привлекает молодожёнов необычными интерьерами для фотосъёмки, и многие свадебные процессии, участники которых далеко не всегда имеют отношение к колледжу как к учебному заведению, без предварительной договорённости приезжают в колледж с профессиональным фотографом для проведения здесь фотосессий. Холл, стеклянная галерея, кованые ворота внутреннего дворика, фонтан перед фасадом здания становятся традиционными местами для фотографирования.

Фото 13. Нарвский колледж Тартуского университета и городская Ратуша, 2019 г.

Автор — Анна Маркова.

В современном свадебном маршруте нарвитян актуальными являются следующие из описанных выше объектов: территория Нарвского замка — «Свадебное дерево» — Шведский лев — Кольцо — Нарвский колледж — Ратуша — Танк Т-34 — Речной причал в Нарва-Йыэсуу — Шишкинская сосна — Светлый парк в Нарва-Йыэсуу.

4. Выводы.

Свадебный маршрут — один из элементов локального текста Нарвы, осведомлённость о котором входит в систему обязательных знаний горожанина о своём городе, объединяет нарвитян и выполняет функцию поддержания городской идентичности.

Реконструированная нами история формирования свадебного маршрута и характер ритуальных и игровых действий около «свадебных

достопримечательностей» свидетельствуют об общих истоках свадебных прогулок в Нарве и других (малых и крупных) городах советского и постсоветского пространства.

Формирование современного маршрута нарвской свадебной прогулки начинается, как и в других городах бывшего СССР, в 1960-е гг. и связано, по всей видимости, с усилением в эти годы церемониальной стороны свадебного обряда.

Современный свадебный маршрут включает в себя объекты трёх типов: архитектурные достопримечательности, памятники и природные объекты.

Вхождение объектов в свадебный маршрут может быть результатом действия разнообразных факторов: с одной стороны, сознательного стремления официальных структур к формированию свадебной обрядовости, с другой — стихийного освоения жителями городского пространства. Включение в маршрут в 1990–2010-е гг. немалого количества природных объектов можно объяснить усилением мнемонической функции свадебной прогулки: важно не просто запечатлеть на фотоснимке торжественное событие, а выбрать достойное для него обрамление или фон (эстетика в этом случае оказывается определяющей в выборе места для фотографирования). Исключение объектов из свадебного маршрута связано с перестройкой городского ландшафта и сменой идеологических ориентиров.

Интересна роль и место военных памятников в нарвском маршруте: если в 1970-е гг. мемориалы воинской славы составляли половину объектов традиционного свадебного маршрута, то сегодня сохраняет свое значение только Танк Т–34. Такую особую роль этого мемориала можно объяснить тем, что мы имеем дело не с братским захоронением, а памятником-участником военных событий, легендарной боевой машиной, символом победы русского народа во Второй мировой войне, вызывающим у значительной части нарвитян чувство гордости и причастности к победе. Этот памятник оказывается включённым в праздничную культуру и в игровое свадебное действо. Выполняет функцию маркера городской идентичности нарвитянина⁶³.

Топография нарвского свадебного маршрута указывает на наличие культурной границы между Нарвой и Ивангородом и стирание этой границы между Нарвой и Нарва-Йыэсуу. Свадебная прогулка оказывается путешествием за город в северном направлении. Ивангородские объекты никогда не входили в свадебный маршрут, что подтверждает мысль о сравнительно позднем его формировании в городской истории. Если бы нарвская свадебная прогулка имела предысторию и начала формироваться в царское время или период Эстонской Республики 1918–1940 гг.,

⁶³ Подробнее об этом см.: Бурдакова О., Нымм Е. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства.

очевидно, в неё были бы включены какие-то ивангородские достопримечательности. Поскольку территориально-административной границы до 1945 г. не существовало, территория современных Нарвы и Ивангорода была объединена общими культурными действиями (например, традицией празднования Нарвских певческих праздников) и семейными обрядами (русские семьи до Второй мировой войны хоронили усопших на православном кладбище Ивангорода).

Список цитируемых информантов

- АГС — Жен., 1940 г. р.; родилась в Североморске; в Эстонии проживает с 1979 г., в Нарве — с 1989 г. (EN 11–40).
 Л — Жен., 1929 г. р.; среднее техническое образование; родилась в Тарту (EN 11–40).
 НК — Жен., 1966 г. р.; высшее образование; родилась в Кохтла-Ярве; в Нарве проживает с трехлетнего возраста (EN 14–02).
 ОО — Жен., 1987 г. р.; среднее специальное образование; родилась в Нарве (EN 14–01).

Собиратели (исследователи)

- И 11 — Елена Нымм
 И 12 — Ольга Бурдакова

Список литературы

Абашеев, В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. Абашеев. — Пермь: Издательство Пермского университета, 2000. — 404 с. — URL: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/abashev/kniga_1.pdf. — (16.07.2019).

Адоньева, С. Б. Категория ненастоящего времени. — Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001.

Алексеев, Н. Я был во втором эшелоне... / Н. Алексеев // Молодежь Эстонии. — Таллин, 1971. — 11 апреля, № 70 (4950). — С. 4.

Алексеевский, М. Исследования города / М. Алексеевский, М. Ахметова, М. Лурье // Антропологический форум. — 2010. — № 12. — С. 16–25. — URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf. — (16.07.2019).

Алексеевский, М. Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского / М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2008. — № 8. — С. 419–442. — URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_12_alekseevsky_et_al_k.pdf. — (16.07.2019).

Алексеевский, М. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста / М. Алексеевский, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2009. — № 11. — С. 275–312. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11_06_alekseevsky_lurie_senkina.pdf. — (16.07.2019).

Ахметова, М. В. Материалы бологовских экспедиций 2004 г. / М. В. Ахметова, М. А. Лурье // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm>. — (16.07.2019).

Бойцова, О. Роль фотографии в современном городском свадебном обряде / О. Бойцова // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. — Саратов : Научная книга, 2007. — С. 78–101.

Бочков, А. Последняя высота / А. Бочков, В. Гринкевич, П. Пушкин // Молодежь Эстонии. — Таллин, 1972. — 14 января, № 10 (5147). — С. 3.

Бурдакова, О. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства / О. Бурдакова, Е. Нымм // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. — 2017. — Вып. 2. — С. 116–138. — URL: <http://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=750>. — (16.07.2019).

Валов, А. Бой за высадку / А. Валов // Молодежь Эстонии. — Таллин, 1971. — 25 апреля, № 80 (4960). — С. 4.

Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. А. О. Зайонц ; сост. В. В. Абашеев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 672 с.

Гринкевич, В. И. Разве можно забыть Мерекюла? / В. Гринкевич. — Москва : Издательство политической литературы, 1979. — 80 с.

Громов, Д. В. Новые обряды современного бракосочетания / Д. В. Громов // ПостНаука [Электронный ресурс]. — URL: <https://postnauka.ru/longreads/2649> — (16.07.2019).

Жирнова, Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем / Г. В. Жирнова. — Москва : Наука, 1980. — 149 с.

Ида, О. Художник Рашид Шамсутдинов, выразитель памяти народной / О. Ида. — Нарва : САТА, 2010. — 100 с.

Кабанов, С. В том далеком феврале / С. Кабанов // Молодежь Эстонии. — Таллин, 1971. — 25 июля, № 143 (5023). — С. 4.

Костин, Н. Удар с моря / Н. Костин, Е. Кривошпеев // Нарвский рабочий. — Нарва, 1974. — 30 апреля, № 52 (4565). — С. 2–3.

Коченовский, О. Нарва. Градостроительное развитие и архитектура / О. Коченовский. — Таллинн : Валгус, 1991. — 304 с.

Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. — Вып. 664. — С. 30–45. — (Труды по знаковым системам: Семиотика города и городской культуры. Т. 18).

Любимов, А. Огненные версты / А. Любимов // Молодежь Эстонии. — Таллин, 1971. — 14 марта, № 50 (4930). — С. 2.

Мазанов, Ю. Шишкин и Нарвское взморье / Ю. Мазанов // Мазанов, Ю. «Нынешнее лето мы жили за Нарвой...» / Ю. Мазанов. — Санкт-Петербург : Реноме, 2012. — С. 9–38.

Мазанов, Ю. И. Шишкин на Нарвском взморье / Ю. Мазанов. — Санкт-Петербург : Реноме, 2014. — 7 с.

Матлин, М. Г. «Замки счастья» на мосту влюбленных: об одной новации в современной городской свадьбе / М. Г. Матлин // Славянская городская культура и современный мир. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. — Вып. 13. Традиционная культура современного города. — С. 194–217.

Минц, З. Г. «Петербургский текст» и русский символизм / З. Г. Минц // Минц, З. Г. Блок и русский символизм : избранные труды : в 3 кн. / З. Г. Минц. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2004. — Кн. 3. Поэтика русского символизма. — С. 103–115.

Неклюдов, С. После фольклора / С. Неклюдов // Живая старина. — 1995. — № 1. — Москва : Российский этнографический музей, 1995. — С. 2–4.

Неклюдов, С. Постфольклор. Курс : введение в теоретическую фольклористику / С. Неклюдов // ПостНаука [Электронный ресурс]. — URL: <http://postnauka.ru/video/9435> — (16.07.2019).

Неклюдов, С. Постфольклор в городских традициях XX века / С. Неклюдов // ПостНаука [Электронный ресурс]. — URL: <http://postnauka.ru/lectures/24463> — (16.07.2019).

Овечкина, И. П. Курорт Нарва-Йыэсуу и его окрестности / И. П. Овечкина, В. В. Стрелков. — Б. м. : б. и., 1995. — 73 с.

Пространственность развития и метафизика Саратова / под ред. Т. П. Фокиной. — Саратов : Поволжская академия государственной службы, 2001. — 140 с.

Путеводитель как семиотический объект / под ред. Л. Н. Киселевой. — Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press, 2008. — 295 с.

Ростовская, Н. А. Эволюция свадебной обрядности русского городского населения России в советский период / Н. А. Ростовская // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. — 2012. — № 27. — С. 950–953.

Ситин, Ю. Семь километров и... 30 лет / Ю. Ситин // Нарвский рабочий. — 1974. — 30 июля, №91(4604). — С. 3.

Ситин, Ю. Этих дней не смолкнет слава / Ю. Ситин // Нарвский рабочий. — 1972. — 11 мая, № 56 (4261). — С. 2.

Ситин, Ю. Драма у Мерекюла / Ю. Ситин, Е. Кривошеев // Нарвский рабочий. — 1970. — 24 ноября, № 139 (4034). — С. 2.

Ситин, Ю., Кривошеев, Е. Драма у Мерекюла // Нарвский рабочий. — 1970. — 1 декабря, № 142 (4037). С. 2.

Смирнов, И. В Нарве «посадили» свадебное дерево / И. Смирнов // Северное побережье. — 2008. — 17 декабря. — URL: <http://rus.pohjarannik.ee/modules.php?name=News&file=article&sid=8414>. — (16.07.2019).

Смирнов, К. В Нарве установят «Свадебное дерево» / К. Смирнов // Delfi [Электронный ресурс]. — 2008. — 15 февраля. — URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/v-narve-ustanovyat-svadebnoe-derevo.d?id=18200582>. — (16.07.2019).

Смолкин-Ротрок, В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии / В. Смолкин-Ротрок // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 3–4 (30). — С. 430–463. — URL: http://www.intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2012_03-04/19.pdf. — (16.07.2019).

Смолокуров, А. Народонаселение Нарвы. Демографический обзор истории города / А. Смолкуров // Сборник Нарвского музея. — Нарва : Нарвский музей, 2000. — С. 15–65.

Стрелков, В. Золотое кольцо Гунгербурга : курорт Нарва-Йыэсуу / В. Стрелков. — Санкт-Петербург : Сотис-Мед, 2007. — 318 с.

Тименчик, Р. Д. Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века / Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». — Тарту : Тартуский государственный университет, 1975. — С. 129–135.

Тимофеева, Л. В. Традиции и новации в русском свадебном обряде : дис. ... канд. филос. наук / Лилия Вадимовна Тимофеева. — Москва, 2004. — 170 с.

Топоров, В. Н. Петербург и «петербургский текст русской литературы» (введение в тему) / В. Н. Топоров // Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ :

исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс—Культура, 1995. — С. 259–367.

Bulatnikov, V. Nõukogude ajastu ausambad Narvas 1945–1960 V. Bulatnikov // Narva Muuseum. Toimetised. — 2012. — № 12. Märgilised mälestised. Uurimisi Narva piirkonna ajaloost. — Lk. 168–200.

Burdakova, O. World War II Monuments as Wedding Procession Sites in Post-Soviet Cities: the Example of Narva, Estonia / O. Burdakova, J. Nõmm. — (Forthcoming).

Kaunilt, meeldejävalt. Nõukogulikke kombetalitusi. Artiklikogumik / koost. K. Oja. — Tallinn : Eesti Raamat, 1965. — 88 lk.

Krivošejev, J. Narva ekskursioonijuht / J. Krivošejev. — Tallinn : Eesti riiklik kirjastus, 1960. — 108 lk.

Migdal, S. Narva / S. Migdal. — Tallinn : Eesti Raamat, 1978. — 118 lk.

Narva arvudes 2017 // Narva Linna Arenduse ja Ökonoomika Amet. — URL: http://www.narva.ee/ee/vasakpoolsed/narva_arvudes/page:3295. — (14.10.2019).

Nõmm, J. Pulmapäeva külustuspaigad Narvas: pulmasõidu kujunemise ajaloost / J. Nõmm, O. Burdakova // Mäetagused. — 2019. — № 1(73). — Lk. 47–68. — URL: http://www.folklore.ee/tagused/nr73/nomm_burdakova.pdf. — (16.07.2019).

Nõuandeid ilmalike kombetalituste kohta. — Tartu : Tartu Linna TSN Täitevkomitee kultuuriosakond, 1959. — 23 lk.

Raik, K. Narva eile ja täna. Narva vaatamisväärsused / K. Raik, A. Toode. — Narva : SATA, 2004. — 91 lk.

Tähistagem pidulikult perekondlikke sündmusi. — Tallinn : Eesti Riiklik Kirjastus, 1960. — 48 lk.

Vsevirov, D. Nõukogudeaegne Narva elanikkonna kujunemine 1944–1970 / D. Vsevirov. — Tartu : Okupatsioonide Repressiivpoliitika Uurimise Riiklik Komisjon, 2001. — 104 lk.